

Он начал сомневаться, правильно ли поступил?

Его ученики, конечно, были замечательными, но они всё же дети. Шестой ученик был слишком увлечён развлечениями, седьмой был неплох, а восьмой и девятый только год как начали практиковать. Отправлять их на Турнир Десяти Тысяч Сект, чтобы сражаться с опытными бойцами...

Это было неразумно.

Вэнь Юань и второй, третий, четвёртый, пятый ученики привыкли к спокойной жизни, и Чжуан Тянь не ожидал от них побед. Все надежды он возлагал на Хуа Чэ и остальных, но это было слишком.

Неуместно.

Даже если на Турнире Десяти Тысяч Сект было множество талантов, они вряд ли смогли бы занять высокие места. Даже если бы они просто не проиграли, сколько боли и унижений им пришлось бы вынести?

Быть побитыми старшими — какой позор! Может ли это сломить их самооценку и лишить их мотивации?

Проигрыш — это одно, но удар по самолюбию — это уже серьёзно.

У этих детей самооценка была на высоте, а старшие в мире культивации особенно любили унижать новичков, получая от этого удовольствие.

Другие секты могли бы справиться, но что могли сделать они, ученики Чертога Линсяо? Даже если их прямо оскорбляли, что они могли сделать?

Чжуан Тянь вдруг почувствовал себя беспомощным. Впервые в жизни он осознал, что был слишком слаб, чтобы защитить своих учеников, чтобы они могли с гордостью сказать: «Я ученик Чертога Линсяо», чтобы они могли гордиться своей сектой.

Чжуан Тянь начал сожалеть.

Почему он так импульсивно зарегистрировался? Даже если бы он подождал до следующего турнира, дав им ещё четыре года на практику, это было бы лучше!

Но что сделано, то сделано.

Утренние занятия проходили невнимательно, вечерние — с перерывами. Даже Мужун Са заметил, что учитель был не в духе:

— Учитель, эти крестьяне снова не платят аренду? Скажите, я пойду и соберу деньги! Пусть узнают, кто я и кто мой отец!

Услышав это, Чжуан Тянь снова почувствовал головную боль.

Даже арендную плату собирали ученики. Казалось, он как учитель ничего не мог сделать, кроме как учить и наставлять.

— Ничего серьёзного.

Лучше сказать им сейчас, чтобы они успели подготовиться. Два месяца...

Сколько успеют, столько и успеют!

— Я был в Секте Шанцин.

Чжуан Тянь посмотрел на своих девятиерых учеников.

— Я зарегистрировался на Турнир Десяти Тысяч Сект.

Все молчали.

Хуа Чэ спросил:

— И что?

Мужун Са добавил:

— Ну и?

Чу Бинхуань просто произнёс:

— Хм.

Чжуан Тянь удивился:

— ...Вы?

Хуа Чэ рассмеялся:

— Второй ученик — болтун. Как только вы ушли, весь Чертог Линсяо уже знал.

Чжуан Тянь кашлянул и сердито посмотрел на Чжуан Сяоэра.

— Ладно, раз вы уже знаете, я не буду тратить время. Турнир Десяти Тысяч Сект — это просто собрание культиваторов из разных сект, которые соревнуются друг с другом, чтобы определить, кто лучше. Наша цель — не победа, а обучение. Через бои с разными противниками вы сможете получить ценный опыт.

— Просто идите, гуляйте, не нервничайте и не воспринимайте это слишком серьёзно. Дружба на первом месте, победа — на втором.

Второй, третий, четвёртый и пятый ученики привыкли к спокойной жизни, и эта речь была в основном для шестого, седьмого, восьмого и девятого.

Хуа Чэ и не предполагал, что Чертог Линсяо примет участие в Турнире Десяти Тысяч Сект, но всё произошло так внезапно. Мэй Цайлянь только что ушла, а Чжуан Тянь уже зарегистрировался.

Хуа Чэ догадывался, что, скорее всего, Мэй Цайлянь сказала что-то, что разозлило учителя, и он действовал импульсивно.

После ужина Хуа Чэ немного поизучал ноты, принял ванну и приготовился ко сну.

Лежа в постели, он вдруг не смог заснуть, в голове мелькали воспоминания о прошлой жизни. Он побеждал на турнирах, был в центре внимания, трижды становился чемпионом, окружённый славой.

Все были в его тени, и, хотя внешне поздравляли его, в глубине души каждый завидовал.

Он мысленно повторил слова Лу Яо: «Он слишком яркий, рядом с ним чувствуешь себя ничтожеством. Иногда так хочется, чтобы он упал, упал сильно и больше никогда не поднялся!»

Слова Лу Яо ранили его, но это была правда, факт. Лу Яо высказал то, что думали тысячи культиваторов.

В прошлой жизни он был молод и глуп, слишком ярко горел, не понимая, что стал мишенью для зависти.

Быть слишком выдающимся — это не всегда хорошо.

Особенно в Секте Шанцин, полной интриг.

Иногда он думал, что ему просто повезло выжить в Секте Шанцин.

Без преувеличения, это был настоящий дворец для бессмертных!

Не говоря уже о других, взять хотя бы Инь Ухуэй. Если бы он не был таким ярким, он бы не привлёк его внимание.

Хуа Чэ не хотел повторять прошлых ошибок, поэтому на этот раз на Турнире Десяти Тысяч Сект он либо не будет участвовать, либо... сдержит себя и займёт среднее место.

Думая об этом, Хуа Чэ вдруг почувствовал тоску по учителю.

Он встал и направился в Линсяо Гэ, но никого не нашёл. Увидев свет в заднем зале храма, он тихо подошёл и заглянул внутрь.

Чжуан Тянь стоял на коленях перед табличками предков, зажигал благовония и кланялся.

Наконец, Чжуан Тянь взял табличку учителя и осторожно протёр её, говоря:

— Учитель, я совершил ошибку, поддавшись на провокацию Мэй Цайлянь, и зарегистрировался на Турнир Десяти Тысяч Сект.

— Вы всю жизнь стремились сделать нашу секту великой, мечтали войти в тройку великих сект, но судьба была не на вашей стороне, и удача всегда ускользала. Перед смертью вы просили меня сохранить столетнее наследие Чертога Линсяо, не ради славы, а чтобы дело предков не пропало.

— Вы разочаровались?

— Я тоже почувствовал это бессилие.

— Я уже смирился, понял, что не обладаю нужными качествами, и перестал мечтать о невозможном. Но появление Тяньюя и Цинкуна снова разожгло во мне надежду, я хочу, чтобы они подняли престиж Чертога Линсяо.

Чжуан Тянь горько усмехнулся:

— Какой же я ничтожный учитель, если надеюсь, что мои ученики добьются славы. Мэй Цайлянь права, я, возможно, действительно помешал им. Тяньюй должен был пойти в Секту Шанцин, Цинкун — в Обитель Ночной Тени, а Линь Янь — в Долину Крика Феникса. С любым другим учителем они бы добились большего.

Чжуан Тянь вытер слёзы, а стоявший рядом журавль, казалось, почувствовал печаль хозяина и опустил голову.

Чжуан Тянь поклонился:

— Предки, я прошу вас, защитите моих учеников. Пусть они будут в безопасности, пусть на Турнире Десяти Тысяч Сект их место не будет важным, пусть они не получают травм и проживут счастливую жизнь.

Хуа Чэ сжал кулаки и быстро покинул Линсяо Гэ.

Чёрт возьми!

Он направился в Гуанхань Гэ, не постучав, ворвался внутрь:

— Чу Бинхуань!

Только что высушенные травы Чу Бинхуаня разлетелись по комнате от порыва ночного ветра.

Хуа Чэ с горящим взглядом посмотрел на него, уголки его губ изогнулись в хищной улыбке:

— Тройка лучших на Турнире Десяти Тысяч Сект, осмелишься соревноваться?

Чжуан Тянь уже смирился, не требуя от учеников усердной практики, а советуя им сочетать труд и отдых.

Но Хуа Чэ и Чу Бинхуань вдруг изменились, стали усерднее всех и заставляли остальных работать до изнеможения.

Хуа Чэ установил новый распорядок дня, разрешая спать только один час и есть один раз в день, измучив Мужун Са и других.

— Просыпайтесь.

Хуа Чэ постучал по столу, разбудив Мужун Са.

— Либо не идём, либо идём серьёзно! Нам могут надрать задницы, но нельзя, чтобы Чертог Линсяо унижали. И ещё, если мы проиграем, это не позор, но нельзя, чтобы учителя унижали, поняли?

Мужун Са, всегда готовый к приключениям, сразу оживился, взял свой меч Бацэ и пошёл тренироваться.

Вэнь Юань не был слишком мотивирован, спокойно сказав:

— Быть осмеянным и униженным — это наша обычная участь. Восьмой ученик, ты не привык, но со временем привыкнешь.

— Не привыкну.

Хуа Чэ ответил.

— Раньше было одно, теперь другое. Я хочу, чтобы в будущем все, услышав о Чертоге Линсяо, говорили только одно: уважение.

Чжуан Сяоэр кивнул:

— Хорошая цель.

Чжуан Сяосань добавил:

— Я тоже так думал.

Чжуан Сяосы махнул рукой:

— Иди спать, восьмой ученик.

Чжуан Сяоу предположил:

— Лучше надеяться на Чу Тяньюя, хоть он и сын Юньтянь Шуйцзин, но на Турнире Десяти Тысяч Сект он будет представлять нашу секту. Если он выступит хорошо, возможно, войдёт в десятку.